сборников, казались как бы низшим жанром, близким к просторечию и примитивным вкусам учащихся.

Последующие издания духовных школ еще дальше отстоят по своей направленности от проникнутого сатирическим духом тверского сборника 1774 года. В конце 80-х годов духовные семинарии Твери, Харькова и Ярославля издали ряд сборников, посвященных путешествию Екатерины II по России.

Наиболее близкой по своему типу к тверским «Разговорам разного содержания» была следующая книга: «Богословские рассуждения и несколько при конце детских разговоров, читанные на богословских публичных состязаниях в разное время в семинарии Святотроицкия Сергиевы Лавры. Под предводительством тоя семинарии ректора и богословия учителя иеромонаха Аполлоса. Ч. I. М., Унив. тип. Н. Новикова, 1781. 111 стр.».

Сборник Аполлоса-Байбакова носил синтетический характер. В нем сложные философские размышления уживались с бойко и остроумно написанными тремя «детскими разговорами», т. е. разговорами на бытовые и школьные темы.

В тверской сборник 1774 года вошло десять диалогов, из них четыре написаны в стихотворной форме, шесть — прозой. Их содержание можно свести к следующим основным темам: методы и средства воспитания, проблемы философского характера, вопросы нравственного воспитания, тема образовательная и, наконец, тема социальная. Остановимся на тех из них, которые наиболее ярко отразили быт и нравы своего времени.

Выше отмечалась большая роль книги в жизни Тверской семинарии. «Разговор о чтении книг между Картофилом и Вивлофилом» дает возможность ближе приглядеться к этой стороне семинарского быта.

Из двух собеседников наиболее яркая фигура Картофил. Сама речь его, живая и образная, говорит о том, что многое в нем взято с натуры.

Картофил ищет себе партнера. Случай сталкивает его с Вивлофилом.

К. Здравствуй, государь мой! что вы не книгочей ли?

В. Правда есть у меня охота до книг.

К. Эк, так я не на такова напал! Я думал было ... ан да!

В. А что вы думали?

К. Я думал было, что у вас охота до карт есть.

В. Нет, государь мой, у меня охоты до карт нет.

К. Для чего так? Эта ведь игра забавна и корыстна; она мне весьма приятна; я ночи насквозь просиживаю с приятелями за картами; да еще тем хорошо, что у нас банк бывает денежной и бутылочной.[8]

Дальше разговор идет по обычной схеме. Вивлофил доказывает вред карточной игры и противопоставляет этому глупому занятию чтение, которое приносит человеку «увеселение и пользу». Картофил расценивает нравоучения своего собеседника как «вздор и грезы».

Однако Картофил оказывается вовсе не таким противником книг, как это может показаться с первого взгляда. Просто его читательские вкусы значительно отличаются от тех, которые старались привить семинаристам официальная педагогика и ее верный последователь Вивлофил. Все интересы Вивлофила сводятся к одной книге — к библии. Он горячо советует читать и перечитывать ее.

Этот совет встречает возражение у простодушного Картофила: «Велика эта книга! Наше ли дело ее читать? Ведь я не богослов, не поп, не проповедник, не монах». На возмущенное напоминание Вивлофила о том, что библия содержит слово божие, Картофил чистосердечно признается в своих симпа-

[8] Разговоры разного содержания прозою и стихами в пользу учащегося юношества, сочиненные в Тверской семинарии. СПб., 1774, стр. 23—24.